

ПО ВЫСТАВОЧНЫМ ЗАЛАМ

В ОДЕССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МУЗЕЕ
ОТКРЫТА ВЫСТАВКА ЖИВОПИСИ ЛЮСЬЕНА ДУЛЬФАНА,
ОРГАНИЗОВАННАЯ В ПОМОЩЬ
ФОНДУ МИЛОСЕРДИЯ ИМ. ГАЗА.

Искусствоведы с присущим им желанием все систематизировать, все расставить на лестнице истории искусств не раз пытались найти какую-то ячею и для творчества Дульфана. Фантастический реализм? Эмоциональный экспрессионизм? Все близко, но как любое определение не до конца точно. Критик газеты «Московские новости» после персональной выставки в Москве, не мудрствуя лукаво, назвал свою статью «Дульфанизм». Так было проще определить, чем объяснить.

Но вот очередная, персональная выставка. Только новые работы. Как отличается светлая, яркая гамма его живописи от той коричневой, темной, что была еще десять лет назад. Поменялось цветовосприятие мира, но остался романтизм, остался мощный энергетический заряд, источник которого является эта живопись. И осталась социальность, не «игра в бисер», пользуясь выражением Г. Гессе, а крик о человеке и человечности, а значит, прибегая вновь к литературным ассоциациям, как у Василия Быкова — знак беды.

Удивительное дело: две, вроде бы взаимоисключающие системы — знаковую и эмоциональную — Дульфана объединяет мощью своего темперамента. Он мыслит знаком, но чувствует образом — и этот взрывоопасный сплав определяет его творческую индивидуальность, узнаваемость его картин.

Кариатиды. Зал кариатид встречает посетителя выставки. Их брал с собой Л. Дульфана в поездку в Геную, и они пользовались успехом у многих повидавших итальянцев. Кариатида — знак долготерпения, но одновременно устойчивости, мощи, красоты. Но вот современный художник вглядывается в жизнь наших городских кариатид, и показывает нам «кариатиду-грусть», а проще одностолбчатую античную колонну, «кариатиду-шепот», послушанный разговор двух фигур, поддерживающих наши здания, а может, и мироздание. Фантазия художника ведет его дальше и дальше. «Кариатида-скиф» вводит нас в природу наших мест, а «кариатида-подсвечник» в мерцающую как бы воссоздаст единство двух древних религий — христианства и иудаизма, но вот «кариатида с сетью», сразу античной ясностью разрушающая религиозное марево, переносящая нас в Средневековье с его ярким солнцем и всеобъемлющей иронией (чего только стоит brutalный жест кариатиды, не выдержавшей зстоя и решившей поковырять в носу).

Смешно пересказывать живопись. Да и невозможно. Но я говорю, скорее, о своих впечатлениях, о том, что за картинами, как мне представля-

ется, стоит. А на открытии выставки со мной у кариатид стоял поэт Игорь Неверов, что-то гудел про себя, затем пробился сквозь толпу к книге отзывов и записал:

Не взирая на профана,
Слава все же дошагала
От Пикассо до Шагала,
От Шагала до Дульфана.

Не знаю, кого имел в виду поэт под профаном (он не указал ни его адреса, ни должности), но я увидел безликое изображение идола в лентах в следующем зале. Идол на античной колонне — это был знак, олицетворение профанизма. И вновь Дульфана мы-

в котором находится автор, а вслед за ним сопереживающий зритель.

Две самые мощные серии, выставленные в художественном музее, — «Эмиграция» и «Бесы». В пластическом даже цветовом решении они созвучны. Что это, просчет художника? Возможно. Но сам он убежден, что эти две темы взаимоповязаны, как две стороны медали.

Эмиграция. Она не имеет на этих холстах ни временной (1917? 1945? 1989?), ни национальной окраски. Это трагедия людей, вынужденных метаться, все бросать, нести лишь дух, лишь святости с собой в никуда, в надежду. Это молюба о помощи, а точнее шепот, звучащий в желтой пустоте, как крик.

ЗНАК БЕДЫ

слил циклом, серией, как бы кинорядом образов. Девять фигур, девять изображений, увитых лентами, а за этим история искусства в картинах: от романтизма до соцреализма. И это не пародия на живописные манеры, это образы времени, воссозданные воображением художника. И даже неважно, кто этот истукан, перевитый плотно красной лентой. — Сталин ли, Брежнев ли, стиль угодничества, образно воплощенный, разоблаченный живописцем.

Очень много работ. Неистовая жажда выразить себя при помощи холста, картонка и красок. А точнее — не выразить себя, а современникам повзвездать свои тревоги, свои боли о времени. Центральная работа самого большого, парадного зала выставки и сама парадная до нелепости. Четыре фигуры, как бы одновременно принимающие парад... птицу. Такой картонный домик, который вроде бы должен был разлететься, но нет, стоит. И призрачная фигура с поднятой рукой (в четырех ракурсах) одолевает движение бумажины голубей. Одобряем!

Бумажные голуби из этого тетраптиха «Берегите птиц» как бы открывают «бумажную серию». В ней применен старый, еще использованный Пикассо и Бракм прием коллажа из бумаги. Но взяв в руки газеты, четырех-пятiletней давности, вставившись в заголовки, Л. Дульфана почувствовал новые возможности бумажного коллажа. Нет, у него бумага не фон, не цветное пятно, она, скорее, мини-планет. Да, это могло бы вернуть нормальную эстетику, но раз оно не разрушило нашу жизнь, то тем более выдержит соприкосновение с условным миром живописи. И вот город с его домами — это уже газетные странички, более того лица людей — пропитанные страницами газет, мир превратился в толченные слова, в миражи газетных страниц. Это смешно? Нет, грустно. Смех сивоз слезы — вот эмоциональное состояние,

трагическую арлекинаду Дульфана».

Да, это сплетение праздничного и трагического, эта фантазмагория современного мира нашла в Дульфана своего поэта.

Нередко он спешит, ему хочется все успеть нам с вами рассказать. И тогда в его холстах замечашь цветные, структурные недоделки. Иногда в своих сериях он самоповторяется. Ему трудно соблюдать меру — в количестве выставленных полотен, в эмоциональном взрыве. А впрочем, может ли быть мера у взрыва? Ответ на этот вопрос — творчество Люсьена Дульфана.

Но иногда он может так приглушить свои эмоции, что сила их увеличивается во сто крат. Трагедия сносимых кладбищ, точнее людей, живущих, продолжающих дышать, когда рядом с ними закрывают, сносят, варварски разрушают могилы. О любви к отеческим гробам писал А. С. Пушкин. Но вот недавно, так же, как в 1938 году было уничтожено Христианское кладбище, так в последние десятилетия было уничтожено еврейское кладбище на Черноморской дороге.

Суровым и мрачным протестом против человеческого беспощадства стала для художника серия картин «Кладбище». Это не реальные зарисовки с натуры. Это память о кладбище. Его уже нет на земле города, но оно существует в душе художника, а значит, будет жить вместе с каждым зрителем...

Что значит быть социальным художником? Писать плакаты, картины на производственные темы, утверждая, что по чужуны и стали мы впереди планеты всей. Или интуицией живописца ощущать болевые точки в нашем мире, пытаться их осознать, а затем и показать в своем творчестве.

Всегда ли это приятно видеть? Нет. Но кто сказал, что лечение должно быть приятно? Оно необходимо.

Почти каждая выставка Л. Дульфана в нашем городе организуется с трудом. Художник просил помощи у Фонда культуры — и не нашел ее. Благо, что отзывчивым оказался художественный музей, его директор. Знаю, что услышу в ответ: у Дульфана плохой характер. Быть может, это и так. Но творчество выше личных обид, житейских склонов.

Как бы ни было много в мире дисгармонии, в основе творчества лежит гармония, вера в то, что доброе победит злое. И сквозь всю взрывчатость фактуры, сквозь все борения цвета от этой выставки, указавшей нам знак беды, запечатлевшей его, а значит, лечавшей, остается светлое ощущение. Художник сотворил свой мир. Нам его обживать, осмысливать, примерять к миру нашей жизни.

Евгений
ГОЛУБОВСКИЙ.

«Приветствую празднично-